

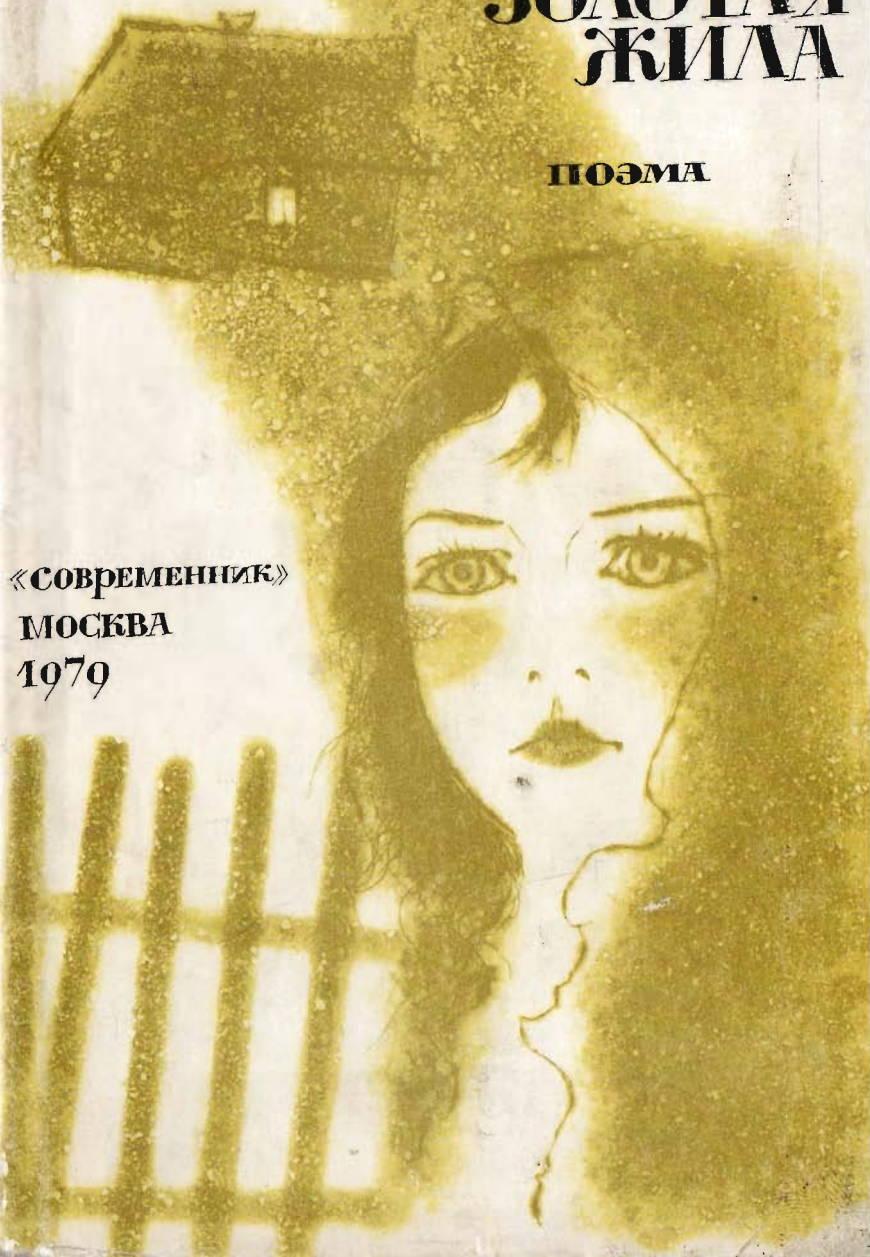
8496
ФЭЗ

**ВАСИЛИЙ
ФЕДОРОВ**

**ЗОЛОТАЯ
ЖИЛА**

ПОЭМА

**«СОВРЕМЕННОК»
МОСКВА
1979**

7-31-45

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Копия. пред. выдач.

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

ВАСИЛИЙ
ФЕДОРОВ

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

художник Б. Диодоров

84Р6
Ф33

ВАСИЛИЙ
ФЕДОРОВ

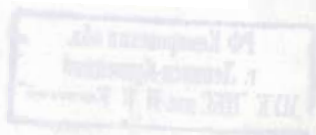

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

ПОЭМА

«СОВРЕМЕННОК»
МОСКВА
1979

3979
259

4

Ц Б С
г. Ленинск Кузнецкий
АБОНЕМЕНТ

MB

ФЛАДОРОВ
ВАСИЛЬИ

77670(1)

Ж РАТОВА

77670(1)

РФ Кемеровская обл.
г. Ленинск-Кузнецкий
МУК "ЦБС им. Н. К. Крупской"

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

поэма

О любви,
О гордой жизни деда
Я, приписанный к его судьбе,
Не в семейной хронике разведал,
Я ее разведал по себе.
Жить бы,
Молодых бровей не хмуря,
Но беда похожа на беду
Только потому, что жизни буря
Прошумела у меня в роду
Принял я тревожное наследье,
По нему былое узнаю.

Но пора
Отбросим полстолетья
И вернемся в Марьевку мою.

С вызовом
Выбрасывая звоны,
Молотом играет Харитон.
«Будь покорен»,— говорят законы.
Только Харитону что закон
Молодой,
Лицом и телом ладный,
Лошадь зашибавший кулаком,
То, что величаем мы кувалдой,
Называл он просто молотком
У него в руках железо пело,
У него от жаркого труда
На лице румянцем накипела
Черная с рыжинкой борода.
Что ему,
Когда он сам как главный.
По тайге на сотню верст вокруг
Лишь один ему по силе равный,
Да и тот ему любезный друг
Не один опустит злое око,
Как пойдут они на шумный яр,
Харитон, поднявшийся высоко,
И в плечах раздавшийся Назар
Как придут они туда да стукнут
С силой, застоявшейся в ногах,

Аж леса окрестные аукнут,
Озеро качнется в берегах,
Сила их носила, возносила
Над безумьем деревенских драк.
Лишь однажды их лесную силу
Подлость одолела.

Было так.
Крики,
Свисты
Это всею сходкой
Старосте Царьку деревней всей
Жеребца ловили, пятигодка,
Самых удивительных кровей
Рыжий, как огонь,
Как ветер скорый
Он сказал меж криками
«Гони »
На подворьях рушились заборы,
В огородах падали плетни

— Эй, ты, нелюдь — голос Харитона
Резанул хозяину нутро.—
Ставь, Царек, ведерко перегона,
Мы пымаем
— Полведра
— Ведро

Сговорились.
В узенький проулок
Встали други, каждый крепколап
Стук копыт, как на морозе, гулок,
Дик и устрашающ конский храп
Из ноздрей — белесые колечки,
Хвост и грива брошены вразмет
От него, как от горячей печки,
Еще задаль жаром обдает
Взвился на дыбы,
Да мало толку
Харитон, лицом почуя жар,
Левою рукой схватил за холку,
Правой за ногу
А тут Назар
Под железной дедовой рукою
Падать к человеческим ногам
С гордостью и кротостью такую
Было бы не стыдно и богам

И Царек уж тряс друзей за плечи,
Уговаривая и браня
— Черти некрещеные, полегче,
Не губите доброго коня! —
А потом, ругая Харитона,
На его сподвижника ворча,

Вынес им ведро — не перегона,
Ладно и того, что первача

Был бы там,
Решился бы, спросил я,
Отчего был дед на зелье лют,
Почему сыны твои, Россия,
Больше всех на свете водку пьют?
Почему?
Не надо удивляться
Наши деды по нужде, поверь,
Пили столько,
Что опохмеляться
Внукам их
Приходится теперь.
— Пей Гуляй —
Царек косил на пьющих,
Замышляя что-то против них,
Непокорных,
Власть не признающих,
Непохожих в жизни на других.
Подчинясь его, Царьковой воле,
На того, кто стал им не с руки,
Расхрабрились,

Выломали колья
Харитона злые шуряки

77670 (1)

17 ЦБС
г. Ленинск Кузнецкий
АБОНЕМЕНТ

РФ Кемеровская обл.
г. Ленинск-Кузнецкий
МУК "ЦБС им. Н. К. Крупской"

Не затем роднились с ним
Три брата,
Чтобы он с железною рукой
От жены из их семьи богатой,
Значит, и от них,
Пошел к другой.
За позор сестры они платили,
Как не платят за разор врагу,
Другов били,
Другов молотили,
Как снопы молотят на току
Не было отпора низколобым
И как стало на дворе темно,
Положили рядом их,
Всем скопом,
Закатали на груди бревно

Ночь,
И освежая и врачуя,
Укрепила их глубоким сном,
Харитон очнулся.

— Чуешь?..

— Чую. —

Харитон опять

— Дыхнем?

— Дыхнем

Как очнулись —
Сила воротилась,
Отданная ими за вино,
Как дыхнули,
Так и покатилося,
Будто с горки,
Толстое бревно.
На широкой выспались постели,
Пестряди домашней не стеля.
Встали,
Обнялись,
Пошли,
Запели,
Шурякам покоя не суля

«У солдатки
Губы сладки,
У вдовы
Как медовы,
У законной у жены
Как ковриги аржаны. .»

Было так.
Дыша прохладой леса,
Раздвигая темень хвойных штор,
К лиственнице крепкой, как железо,
Шел кузнец испытывать топор
Пело сердце,
В листьях пели птахи
Что там птахи, коль, всегда тихи,
На посконной праздничной рубахе
Вышитые пели петухи
Он и сам запел
Но, зло пророча,
В развеселый птичий переклик
Подмешалась трескотня сорочья,
Треск валежника
И женский крик.

Он раздвинул бремя навесное,
И увидел, глядя в полумрак,
Как шаталось чудище лесное,
Жадно шуря маслянистый зрак.
В страхе пятилась,
С малиной сладкой
Прижимая к сердцу туесок,
Глаша, темнокошая солдатка,
От большой беды
На волосок.

Видел он,
Успев осатаниться
И откинуть руку на замах,
Как метались синие зарницы
В темных
Перепуганных глазах.
Не сосна
В минуту бурежала —
На густой малинник, как гора,
Старая медведица упала,
Острого отведав топора
И лежала после этой схватки,
Разодрав одежду о кусты,
Глаша, тонкобровая солдатка,
В полном цвете бабьей красоты.
Будто видел он совсем другую,
От которой глаз не отвернуть,
И смотрел на белую, тугую,
Ягодой осыпанную грудь
А когда, забыв про поединок,
Нес ее в народную молву,
Изо всех веселых ягодинок
Только две не падали в траву

Его сердце
К сердцу Глаши льнуло
Чтобы одиноко не стучать,
Сердце Харитона подтолкнуло
Сердце,
Переставшее стучать.
Изо всех чудес лесного мира
Лишь она была нужней всего,
Нес и повторял
— Очнись, Глафира —
И она очнулась для него,

И пока донес,
Легко ступая,
Мягкою травкою не шурша,
Темная,
Крестьянская,
Скупая
Нежностью истаяла душа
И однажды
Ночью черно-бурой
Он пришел, наветам вопреки,
Бросил за порог медвежью шкуру
И о шкуру вытер сапоги.
Грубый,
В домотканое одетый,
Не читавший даже букваря,
Он сказал, как говорят поэты
— Золотая искорка моя

Все, чем жил,
Вдруг стало жизнью дальней.
Он для Глаши душу отворил
И ковал на звонкой наковальне,
Будто с ней все время говорил
Как умеет петь металл горячий
Чем краснее он и горячей,
Тем певучей,
Искренней и мягче
Благородный тон его речей.
Обожжется молот и запляшет
Пьяным дружкой в свадебном чаду,
И звенит он
«Глаша! Глаша Глаша!» —
И зовет он
«Жду! Жду! Жду!»

Звон условный,
Глашу зазывая,
Долетал и до того окна,
Где сидела, тоже не глухая,
Хмурая законная жена
Помнит: сговорились не сердцами
Помнит: в торге, долгом и скупом,
Было все устроено отцами,
Скреплено законом и попом

Не поможет мамкина икона,
Бабушек даренье — образа,
Если выше всякого закона
Оказались Глашкины глаза
Бог дает и радости и муки,
Только непонятно, — хоть убей —
Почему же нынче божьи руки
Оказались Глашкиных слабей?

Руки Глаши
Если обовьются,
Их уже ничем не разорвать.
Губы Глаши
Если улыбнутся,
До сухоты будешь тосковать
Сердце Глаши
Дай ему раскрыться —
И увидишь счастье в тайнике.
А ресницы?
В Глашиных ресницах
Заблудиться легче, чем в тайге.
Ласки Глаши
Ласковые ласки —
И огонь, и сладкий хмель вина
И сосна,
Чтоб не было огласки,
Все гудит над ними, как струна

Станет Глаша
Пьяной и незрячей,
Чтобы дома,
Радуюсь опять,
С белой кофты след руки горячей
С гордою улыбкой замывать.
Не пристала к ней тоска-забота
Даже в день,
Когда ей, как враги,
Детем разукрасили ворота
Милого лихие шуряки

Харитону что?!
Опять смеется,
Смелого ничто не устршит
А солдат с войны к жене вернется,
Если вражья пуля разрешит
Вражья пуля многих порешила,
Положила в сопках отдыхать,
А ему, Игнату, разрешила
Дорогую Глашу повидать.
Все она Игнату прежней снится,
В теплом свете марьевской зари.
Замолчи, услужливый возница,
Ничего о ней не говори!

Как тайга,
Лицо солдата хмуро,
Будто защищавшему редут
Павшие твердыни Порт-Артура
Все еще покоя не дают
Все непрочно,
Слишком скоротечно
Для солдат, ходивших на войну
Царь одно из двух давал навечно
Смерть на фронте,
А в тылу — жену

Лишь она приписывалась прочно
Потому и нес для жизни впрок
Из далекой
Из земли восточной
Спрятанный в бутылке тополек.

Вот и двор
Солдат перекрестился,
Ручеек по плахе перешел
Хорошо, что дом не покосился
И целы ворота. Хорошо!
Хорошо, что двор не оголила.
На воротах, чтобы все по ней,
Старые дощечки поскоблила,
Тоже ладно —
Этак веселей.
Мудрость жизни —
Вот за службу плата
И жену, какой бы ни была,
Десять лет служившему солдату
Спрашивать не надо,
Как жила
В приступ жажды
Пьющего из чаши
Обожжет и студная струя.
Будто и глазам не верил
— Глаша?! —
Подтвердила
— Я, Игнаша, я.

Пусть жена
Не так, как надо, встретит,
Все равно солдат от счастья слеп
Долго голодавший не заметит,
Мягкий или черствый
Ест он хлеб

Как встречала да привечала,
От людей не утаишь.
Отчего ты, кузня, замолчала,
Отчего, как прежде, не звенишь?
Или твой кузнец уже не молод,
Или с другом сел за бражный стол?
Как узнал он
Да как поднял молот —
Б бах —
И наковальню расколол

И, таежной мерой горе мера,
Он метался в хвойной темноте.
— Где вы тут, невиданные звери,
Я зову вас, отвечайте, где?

Зверь не шел
И сам, как зверь косматый,
На душе которого темно,
Он прибред на пиршество солдата
Под резное Глашино окно.
В доме пили,
В доме песни пели
Не при нем, метавшемся в тоске,
Половицы старые скрипели
И горшки гремели на шестке.

А у ног его
Дрожал росточек
Самой неприметной высоты.
Тополька единственный листочек
Трогал свет мигающей звезды
В диком буйстве богатырской крови,
В час обиды на душу тяжел,
Поднял Харитон сапог в подкове,
Будто виноватого нашел
А листочек вдруг засеребрился,
Вроде запросил
«Не будь жесток! »
Подобрел и рядом опустился
Харитона кованый сапог

На семейном пиршестве ненужный,
Он ушел в рассветную зарю.

До сих пор за шаг великодушный
Я тебя, мой дед, благодарю.
О беде понятия не имея,
Тополь рос и, кривенький, прямел
Он потом над юностью моею
Над моей любовью прошумел
Горе и теперь в сердца стучится,
Но сердца вольны
Вступать с ним в бой.
И со мною не могло случиться,
Что случилось некогда с тобой

На березках —
Желтые платочки
Появилась, лету вопреки,
Листьев золотая оторочка
На зеленом поясе тайги.
И зима проворными перстами
К Глашиному дому
Все пути
Застелила белыми холстами
Коли смел, попробуй наступи!

И, леса густые облетая,
Чтоб изгнать из памяти весну,
В белые меха из горносталя
Нарядила каждую сосну
И не только лес зиме поддался,
Даже люди, взятые в полон,
Белизной утешились.
Остался
Неутешным только Харитон.
Не звони,
Не наводи истомы
Как пойти ей на такой набат,
Если каждый след ее от дома
Заприметит пасмурный Игнат?
Но была в надрывном звоне сила,
Пред которой Глаша не вольна
Вышла на крыльцо,
С крыльца ступила,
На окно лицо оборотила,
Стала к кузне пятиться она

Видишь, муж,
Домой ведут следочки
Пятится —
И в луночке любой
Тяжело печатаются строчки
Валенок, простеганных тобой
Пятится она к желанной цели
И большее, чем дано рукам,
Белый снег
Поднявшейся метели
Бьет ее с размаху по щекам
Только бы дойти,
Не оступиться!
А метель, проклятая, метет,
Индевеют темные ресницы,
Стынут слезы,
Но она идет

Берегись, жена,
Придет расплата
За твою бессовестную ложь
С пулями хитрившего солдата
Ложным следом ты не проведешь.
Десять лет ему, солдату, лгали,
Правду матку пряча за мундир
Десять лет солдатом помыкали
Нынче сам он бог и командир
Ты солдата не смягчишь слезами,
Он еще свою покажет власть.
Ведь недаром под его усами
Горькая усмешка прижилась.
У него своя игра с женою
Упредил и не шумит пока,
Чтобы этой ложной тишиною,
Как на фронте,
Обмануть врага

Стоит лишь солдату отлучиться,
Сделать вид, что конь его умчал,
Харитон в окошко постучится.
Так и вышло,
Дед мой постучал

Глаша стук условный не забыла,
Выбежала в сенцы в чем была,
Торопливо двери отворила,
В горницу, как прежде, провела

Не успел желанный гость раздеться,
Не успел прижать ее к груди,
Стук раздался
Никуда не деться.
Может, кто другой?
Пересиди

Вышла Глаша
Руки, леденя,
Поступают с мыслями не в лад.
Отворила
Вырос перед нею
С прежнею усмешкою Игнат
Прошагал лениво мимо Глаши,
Не сказав ни слова, ни кивнув.
Прошагал в передний угол,
Даже
В круглые глаза не заглянув

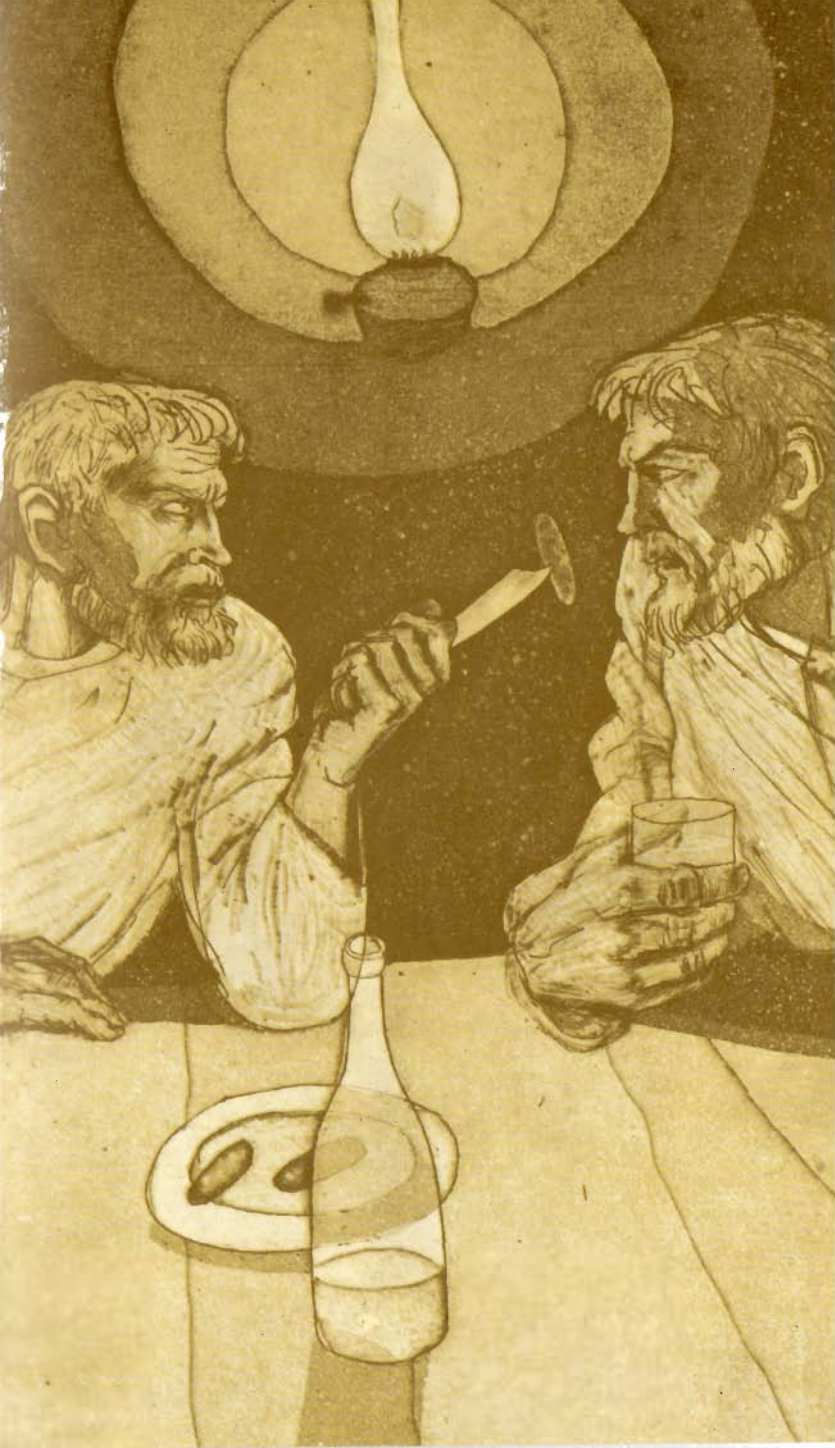

Он своей не изменил походки
И спокойно, будто не был зол,
Полную бутылъ казенной водки
Из кармана
Выставил на стол
Шубу снял
И молвил тихо, страшно,
Словно пересиливая хворь
— Принеси ка, Глаша, два стакана
Да закуску малую спроворь

И легли
Храненные особо,
На тарелку,
Словно близнецы,
В золотистых крапинках укропа
Крепкого посола огурцы
Одарил улыбкою скупую,
От которой набежала дрожь,
Положил Игнат перед собою
Вместо вилки свой солдатский нож
И сказал, давая волю блажи
— Харитон Не прячься, выходи
Посидел, помиловался с Глашей,
А теперь со мною посиди

Поначалу будто и не слышал,
А потом, намучившись в углу,
Поразмыслил Харитон и вышел
Из веселой горенки к столу
А Игнат полюбовался зельем
И спросил, не торопясь разлить
 Что же, как жену с тобою делим,
Так и водку поровну делить?

Два стакана
В тайном гореванье
Разом над столом приподнялись.
Стукнулись шлифованные грани,
Звякнули —
И мирно разошлись.
Молча выпили по мере русской.
Тут Игнат, недобрый глаз скосив,
Острием ножа поддел закуску,
Сунул в губы гостю
— Закуси! —
Замер гость
И зубы сжались сами.
Напрягая шею, не дыша,
Огуречный ломтик он губами,
Мускулом не дрогнув, снял с ножа.
Гость жует
Игнат ему ни слова
С гневом, накопившимся в душе,
Снова наливает он
И снова
Подает закуску на ноже.
— Закуси! —
И снова испытанье,
Но теперь в жестокой тишине

Каждый слышит трудное дыхание
Глаши,
Прислонившейся к стене.
Вновь полны стаканы,
С третьим звоном,
С третьим подношением ножа,
Глаша на пол рухнула со стоном
Встал Игнат
— Ну, погостил — и ша

Что теперь?
Куда деваться силе
С первой сединою на висках?
Самого поймали и скрутили,
Как того, Царькова, рысака
После угощения солдата
Стала Харитону жизнь тошна
Страшен был не острый нож Игната,
А неволя Глашина страшна
Радость жизни обернулась пыткой.
Харитону тоже не легко
И с полатай дети Мотька с Митькой —
С любопытством смотрят на него
Жаль их! Жаль
Но ни душой, ни телом
Вновь он не приклеится к жене.
Два куска железа,
Что ни делай,
Не сварить на маленьком огне.

Так бы жил,
Тяжелый и суровый,
В чистоте любви непогрешим

Надоумил человек торговый,
Ехавший с обозом на Ишим
Он сказал
Мол, зря тут держишь силу
В той сторонке, где встает заря,
Набредешь на золотую жилу —
И дойдешь, богатый, до царя
Сесть с тобою он сочтет за благо,—
Золото и для царей не сор
Будешь кушать царскую кулагу
И вести неспешный разговор
То да се.
Поскольку он в короне,
Так и быть уж, сделаешь поклон,
Намекнешь о Глаше, о законе.
Царь мигнет —
И побоку закон.

Пригревая,
Шла весна полями,
С появлением первой теплоты
Желтыми мохнатыми шмелями
Вылупились вербные цветы
Шла весна
Под спевку птичьих хоров,
Осыпая почками кусты.
Шла весна
И с тихих косогоров
Скатывала белые холсты.

Вот и пасха.
Дни загорячели,
Закачались на яру качели
Кто плясал, кто пел навеселе.
В пестроту дешевенького ситца,
Невеселый, сдержанный в речах,
Вышел Харитон
С людьми проститься,
Вынес Митьку с Мотькой на плечах

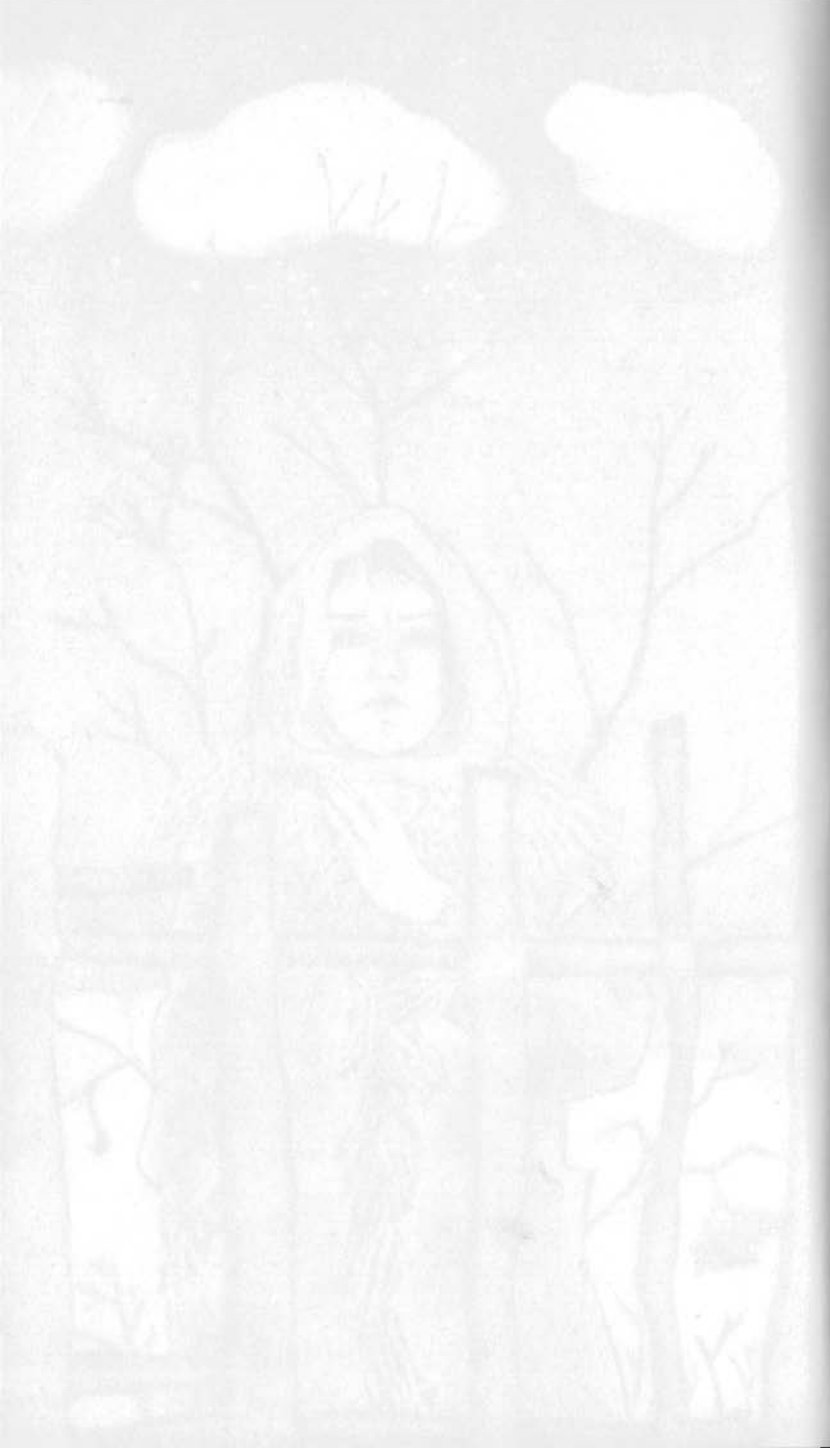

Нес их от лужайки до лужайки,
Нес их к яру, выйдя на межу
— Ухожу!
Детей не обижайте,
Не от них — от горя ухожу —
Нес любимых,
На себя похожих
И все трое — головы в поклон
— Тышша поманила, Харитоша? —
Как услышал, замер Харитон
И сказал, подняв детей повыше:
— Вот моя тышша
И вот моя тышша!

И ушел
Он был на это волен.

Долго-долго, бледная с зимы,
Глаша из-за тонких частоколин
Все смотрела вслед, как из тюрьмы
Проводила тайными слезами,
Пожелала, чтоб дошел до той,
Где-то за горами и лесами
Скрытой богом
Жилы золотой.

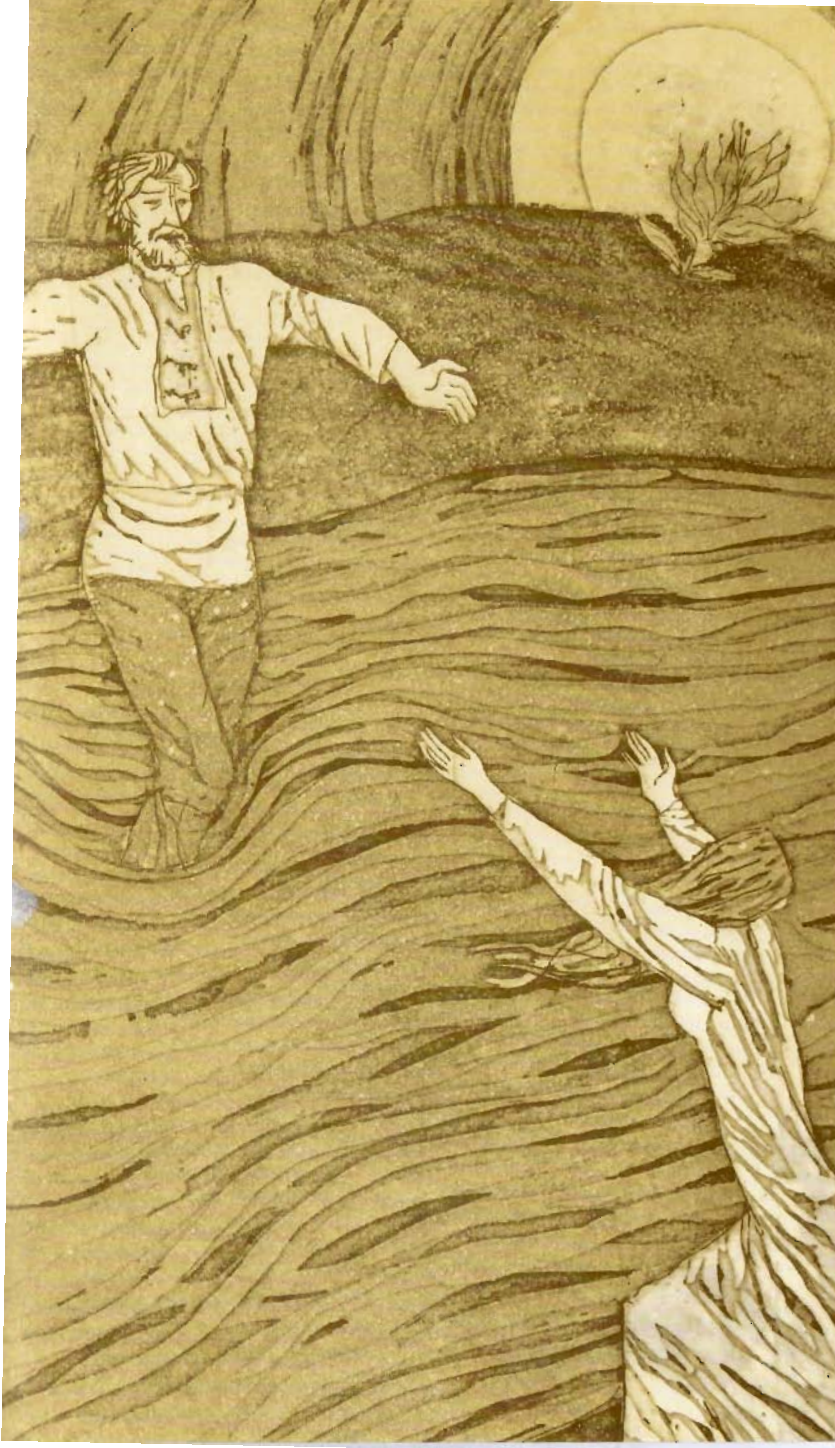

Взяли жизнь
Таежные химеры.
Не ему везло — везло другим
Ни в одном краю миллионера
Не встречали с именем таким
День за днем
У памяти на страже,
Верст на сотни ставшие подряд,
Здесь, в тайге,
И в Марьевке для Глаши
Сосны одинаково шумят

Лунными
Тревожными ночами
Снится ей один и тот же сон
За рекой с неслышными речами
Одиноко ходит Харитон
Дальний берег
Залит лунным светом
Манит он ее, зовет «Иди »
А она на берегу на этом
И никак не может перейти

Весть пришла
Живет он небогато,
Не дается золото ему,
И сбежала Глаша от Игната,
Не во сне сбежала —
Наяву
И никто не рассказал толково,
Как ей отыскать любовь свою.
Думала, красивого такого
Разве же не знают в том краю

Мир огромен
Как под низкой тучей,
Что черна была и тяжела,
Шла Глафира по тайге дремучей,
К Харитону шла —
И не дошла
Но уже
Решительно ступала
Революция с ружьем в руке,
Топором крестьянским прорубала
Просеки в нехоженой тайге.

Гордый дед мой,
Натрудив ладони,
Самородных жил не отворил
Но с царем о Глаше,
О законе
Все же Харитон поговорил

Верю
Вспоминая о Глафире,
Шел он в бой.
И где-то у Читы
В павшем партизанском командире
Признавали дедовы черты

1957

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЕДОРОВ

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

Поэма

Редактор *А. Москвитин*

Художественный редактор *В. Покусаев*

Технический редактор *Л. Дунаева*

Корректор *М. Стрига*

ИБ № 1232. Сдано в набор 10.04.79.
Подписано к печати 06.07.79. А10541.
Формат 84×100/32. Гарнитура литерат.
Печать офсетная. Бумага мелован.
Усл. печ. л. 4,62. Уч.-изд. л. 2,04.
Тираж 10 000 экз. Заказ 2238. Цена
~~1 р. 50 к.~~

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР 121351, Москва, Г-351, Ярецевская, 4

Фабрика офсетной печати Управления издательств, полиграфии и книжной торговли.
400001. Волгоград, ул. КИМ, 6

P2
Ф33

Федоров В. Д.

Ф33

Золотая жила. поэма.— М. Современник— (Б-ка «Российская поэма»).— 1979.— 86 с. с ил./л. портр.

Поэма рассказывает о судьбе сибирского крестьянина-кузнеца, его высокой и трагической любви, извечном стремлении русского человека найти в жизни счастье.

70402—196
Ф — без. объявл.— 79 4702010200 ББК.84.Р7.
М106(03)—79 Р2

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННОК», 1979 г.

20 руб 00

цена
кон.

